

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г. В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ РСДРП

Фомин В.М.

Минск, БГПУ, д.и.н.

Реформа 1861 г., связанная с отменой крепостного права в России, вот уже на протяжении 150 лет не перестает привлекать внимание историков, юристов, экономистов и др. В определенной степени сохраняется и общественно-политический интерес к этой проблеме. И это потому, что она положила начало глубокому разлому в российском историческом процессе. Его последствия оказались совершенно непредсказуемы и в конечном счете во многом противоположными как замыслам реформаторов, так и ожиданиям общества.

Расхождения в оценке причин и последствий реформы обнаружились в российском обществе уже во второй половине XIX в. Господствовавшей была идея о том, что реформа явилась проявлением отеческой заботы царя о благе российского крестьянства. И это вытекало из основополагающего документа реформы – Манифеста 19 февраля 1861 г. [1, с. 37-41].

В.О. Ключевский, касаясь этой проблемы, писал: “Имп. Александр II совершил великую, но запоздалую реформу России: в величии реформы – великая историческая заслуга императора; в запоздалости реформы – великое историческое затруднение русского народа” [2, с. 554]. Благостное настроение в обществе, воцарившееся в ходе реформы, желание дать делам идти самим собой не способствовали активизации исторической мысли. “Историография, - писал В.О. Ключевский, - шла особняком, руководствуясь своими собственными академическими соображениями, состоянием материала, очередью научных вопросов, указаниями иностранной исторической литературы” [2, с. 555-556].

Однако уже в конце XIX в. и научный, и общественный интерес к проблеме отмены крепостного права и процессу осуществления крестьянской реформы значительно возрос. Он явился составной частью программных положений различных движений и возникавших в эти годы социал-демократических

организаций, а затем и партий. Путь к их выработке пролегал в переходе от презрительного и подозрительного отношения к крестьянству, к признанию за ним союзника пролетариата в будущей революции.

Так, посланный в 1896 г. на лондонский Конгресс социалистического интернационала от Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса Петр Струве (в то время социал-демократ) в своем сообщении по аграрному вопросу доказывал, что российские крестьяне настолько отстали и настолько несознательны в классовом отношении, что заниматься среди них пропагандой и агитацией – пустая трата времени. В то же время он признавал, “что совершенно случайно обстоятельства могут сложиться так, что крестьян можно будет побудить к восстанию” [3, с. 244].

Идея о том, что крестьянство при определенных обстоятельствах можно побудить к восстанию, стала основополагающей при разработке аграрной программы РСДРП. Она послужила также тому, что В.И. Ленин при разработке аграрно-крестьянского вопроса в дореволюционные годы придавал особое внимание. При этом на первом месте стояло выявление обстоятельств, способствовавших вовлечению крестьянства в революцию в целях придания ей мощной разрушительной стихии, открывающей большевикам путь к захвату власти. В программе-минимум РСДРП, принятой в 1903 г. на II съезде партии, предусматривалось в целях улучшения положения крестьянства добиваться возвращения т.н. “отрезков”, отмены выкупных платежей и возврата уже выплаченных сумм [4, с. 517]. Но уже в ходе революции 1905-1907 гг. В.И. Ленин, отстаивая необходимость для рабочего класса России стать ее гегемоном, заявил, что из всех возможных союзников пролетариата в качестве главного и основного может быть только крестьянство [5, с. 301]. С учетом этого аграрная программа РСДРП 1903 г. была признана ошибочной, так как не побуждала крестьянство к развертыванию всеобщей аграрной борьбы.

В брошюре “Пересмотр аграрной программы рабочей партии”, написанной в обоснование большевистского проекта по аграрному вопросу, внесенному на IV

(Объединительный) съезд РСДРП, В.И. Ленин особо подчеркивал: первым советом РСДРП рабочим и крестьянам по аграрному вопросу в эпоху демократической революции должен быть такой: “Направить все усилия к полной победе крестьянского восстания. Без такой победы ни об “отобрании земли” у помещиков, ни о создании действительно демократического государства нельзя даже говорить серьезно” [6, с. 264]. Второй совет: “Национализация всей земли, как возможный максимум буржуазно-демократического переворота, как естественный и необходимый шаг вперед от победы буржуазного демократизма к началу борьбы за социализм” [6, с. 265].

На этом съезде РСДРП был принят аграрный проект меньшевиков, предусматривавший муниципализацию земли. Он включал сохранение собственности крестьян на наделную землю и предоставление им права брать в аренду передаваемые областным самоуправлениям конфискованные помещичьи земли [7, с. 209].

Естественно, В.И. Ленин не был согласен с программой муниципализации и продолжил настаивать на том, что для РСДРП программа национализации земли является необходимым условием для кардинального решения аграрного вопроса в ходе буржуазной революции. В деталях он проанализировал эту проблему в книге “Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 гг.”, написанной в ноябре-декабре 1907 г. В ней он настойчиво разъяснял, что «национализация земли есть не только единственный способ полной ликвидации средневековья в земледелии, но и лучший мыслимый при капитализме способ земельных распорядков» [8, с. 408].

В полемике с Г.В. Плехановым по поводу преимуществ национализации земли в сравнении с ее муниципализацией В.И. Ленин писал: “Крестьянин теперь хозяйничает на кусочке собственной наделной земли, на кусочке арендованной наделной земли, на кусочке арендованной помещичьей земли и т.д. Национализация в максимальной степени позволяет все перегородки

землевладения сломать и всю землю «расчистить» для нового хозяйства, соответствующего требованиям капитализма [8, с. 307-308].

Защитой большевистского проекта программы РСДРП, касающегося национализации земли, В.И. Ленин продолжал заниматься и в последующие годы. В 1908 г. он написал работу “Аграрный вопрос в России к концу XIX века”. Опираясь на обширный документальный материал, он проанализировал землевладение в Европейской России к концу XIX века, организацию помещичьего и крестьянского хозяйства, проследил процесс разложения крестьянства. На основании этого он сделал вывод, что экономика и помещичьего, и крестьянского хозяйства к концу XIX в. несла в себе ярко выраженные капиталистические черты. Однако для дальнейшего свободного развития нового хозяйственного организма необходимо было насильственное уничтожение средневековой скорлупы, а именно – средневекового землевладения. “Уничтожить это землевладение можно сразу, решительно разорвав с прошлым. Такой мерой является национализация земли, которой и требовали ... все представители крестьянства в период 1905-1907 годов” [9, с. 127].

В подтверждение верности РСДРП своей аграрной программе и в противовес столыпинской аграрной реформе В.И. Ленин, в написанной им в 1912 г. избирательной платформе РСДРП в связи с выборами в IV Государственную думу, от имени партии призвал крестьян “... на борьбу за полную свободу, за переход всех помещичьих земель к крестьянам без всякого выкупа” [10, с. 180].

Таким образом, уже к началу Первой мировой войны у большевиков усилиями их вождя В.И. Ленина была разработана аграрная программа, зовущая Россию к аграрной революции. Ее основу составляли требования ликвидации помещичьего землевладения и национализации земли. Так большевики раскинули свои революционные социалистические сети на пути дальнейшего развития крестьянского движения в России в полной надежде, что оно в них неизбежно угодит.

Ожидать пришлось недолго. Уже в сентябре 1917 г. В.И. Ленин в Послесловии к книге “Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 гг.” отметил: “В настоящее время революция поставила аграрный вопрос в России неизмеримо шире, глубже и острее, чем в 1905-1907 годах ... При таком положении дела и национализация земли в аграрной программе приобретает иную постановку. Именно: национализация земли есть не только “последнее слово” буржуазной революции, но и шаг к социализму” [8, с. 412-413].

Таким реальным шагом явился Декрет о земле, принятый Вторым Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов (7-8 ноября 1917 г.). Декрет и Крестьянский наказ о земле, принятые съездом, были составлены эсерами. Но на данном этапе они удовлетворили большевиков в главном – отмене частной собственности на землю. Этим актом судьба крестьянства передавалась в руки большевиков в лице советского правительства. Поддержав крестьянство в деле разорения помещиков и разделе их земли, они не замедлили развернуть войну в деревне с целью расслоения ее на два непримиримых враждебных лагеря, противопоставив бедняцкие слои населения кулацким элементам. На заседании ВЦИК 20 мая 1918 г. Я.М. Свердлов говорил: "Только в том случае, если мы сможем разжечь там ту же Гражданскую войну, которая шла ... в городах ... только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для городов" [11, с. 494].

А дальше последовал "военный коммунизм", означавший попытку прямого перехода к социализму. Сменивший его НЭП явился временным отступлением от принципов «военного коммунизма» и восстановлением нормальной рыночной экономики. Однако либерализация в экономике допускалась только в пределах, позволявших власти при необходимости все свернуть. Это были приемы "социалистического" экспериментирования большевиков, ставшие возможными в деревне благодаря ликвидации частной собственности на землю. Вступивший в действие с 1 декабря 1922 г. земельный кодекс РСФСР законодательно закрепил

отмену частной собственности на землю, которая переходила в собственность государства [11, с. 277].

В то же время само сельское хозяйство во время НЭПа находилось в частных руках. В результате в деревне быстро вырос нежелательный для советской власти слой зажиточного крестьянства. И когда в конце 20-х годов XX ст. сталинское руководство решило покончить с НЭПом, судьба крестьянства была предрешена. Не только "кулачество" было ликвидировано как класс, но и все крестьянство было ликвидировано как сословие самостоятельных мелких производителей и превращено в подневольных батраков на государственной земле [12, с. 182].

В результате исторического зигзага, ставшего результатом всеобщей коллективизации, крестьяне оказались там, где они находились до 1861 г. По некоторым параметрам – еще в худшем положении. Возникает вопрос, а не был ли такой трагический исход в решении многовекового крестьянского вопроса в России заложен уже в самой крестьянской реформе 1861 г. Многие указывают на то, что для такого предположения есть достаточно веские основания.

Возможность (или неизбежность) такого исхода проистекала из того, что реформа проводилась сверху, по воле верховной власти в лице самого императора Александра II. Советские историки, вслед за В.И. Лениным, стояли на том, что Александр II был вынужден пойти на проведение крестьянской реформы из-за возникшей в стране революционной ситуации, которая сложилась в результате кризиса крепостнической системы. В свою очередь многие историки, освободившись от ленинских догм, признают, что дело не в кризисе, которого на рубеже 50-х - 60-х годов XIX в. вообще не было. Поэтому и крестьянскую реформу 1861 г. с учетом глубины преобразований, осуществляемых в ходе ее проведения, некоторые считают революцией сверху. Например, так определяют ее М.Я. Геллер [13], Н. Эйдельман [14]. Б.Г. Литвак называет эту реформу переворотом 1861 г. [15] и т.д.

Суть проблемы, однако, заключается не в том, чтобы отдать должное государственной мудрости инициатора крестьянской реформы Александра II. Это вполне очевидно. Более важным является найти ответ на вопрос, почему ему не удалось провести эту реформу в духе времени, с учетом достижений европейских стран и США. Это означало бы перевести российское крестьянское хозяйство в предельно сжатые сроки на капиталистический путь развития. И здесь необходимо обратить внимание не только на то, что накануне реформы никакой революционной ситуации в России не наблюдалось. Более существенным является то, что само крепостническое хозяйство в эти годы находилось на подъеме. Видный историк и экономист П. Струве в ряде статей конца XIX – начала XX в., а затем и в монографии “Крепостническое хозяйство”, вышедшей в 1913 г., показал, что крепостническое хозяйство в России вплоть до 1861 г. интенсивно развивалось. И если бы не провозглашение Манифеста об освобождении, российское дворянство со временем вытеснило бы крепостных с земли, а само превратилось бы в класс типа юнкеров (прусских помещиков), использующих наемный труд [3, с. 293].

А это свидетельство того, что Александр II, приступая к реформе вынужден был привлечь к этому в широких масштабах российское дворянство, роль которого как в экономике, так и в обществе была достаточно высокой, а учитывая свойственный ему консерватизм, жадность и недальновидность, ожидать от них конструктивного подхода к проведению реформы не приходилось. Поскольку реформа (революция) осуществлялась сверху, то свою лепту в том же духе должна была внести и российская бюрократия. А их общим интересом являлось сохранение в максимальных масштабах вековых российских традиций как в аграрной сфере, так и в обществе. В конечном счете, это вытекало из стремления сохранить и на новом этапе особый исторический путь развития России.

Поэтому заслугой Александра II перед Россией является прежде всего то, что он взял на себя всю тяжесть отмены крепостного права, и своим упорством и

настойчивостью довел это дело до конца. Однако возможностей для полной реализации своих замыслов у него не оказалось.

При этом надо отметить главное – он вынужден был уступить в том, что в конечном счете, не просто предопределило особый путь развития пореформенной России, но и сделало его невыносимо трудным для крестьянства и существенно затормозило преобразование сельского хозяйства на капиталистических началах. Речь идет о том, что вышедшие из крепостной зависимости крестьяне получали земельный надел, который они выкупали по соглашению с помещиком. Однако купленная таким путем земля становилась не частной собственностью крестьянина, а неполной собственностью общины (без права на отчуждение). Сохранение общины и лишение крестьян права собственности на землю и должно было обеспечить российский особый путь [13, с. 84].

На деле это означало консервацию крестьянского хозяйства на докапиталистической стадии, ограничение возможностей проникновения в него рыночных отношений. И хотя с развитием сети железных дорог рыночные отношения все больше пробивали себе дорогу в крестьянское сельское хозяйство, в целом вплоть до революции 1905-1917 гг. они носили ограниченный характер. С.Ю. Витте в воспоминаниях отмечает: “Общинное владение есть стадия только известного момента жизни народа, с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм – в индивидуальную собственность; если же этот процесс задерживается и в особенности искусственно, как это было у нас, то народ и государство хиреют” [16, с. 492].

В России абсолютное большинство населения в конце XIX в. по-прежнему составляло крестьянство. От уровня производительности его труда зависело в значительной степени экономическое развитие страны, в которой аграрный сектор экономики оставался преобладающим. А между тем общинный крестьянин, лишенный права собственности на землю, оказался незаинтересованным проявлять и развивать не только свой труд, но и инициативу

в своем труде. Естественным результатом этого явился глубокий кризис сельского хозяйства конца XIX в.

Но наличие общинного крестьянского хозяйства оказалось неприемлемым не только экономически. За ним стояли и определенные социально-политические процессы, касающиеся формирования личности крестьянина, далекой от требований времени. Ричард Пайпс отмечает: “Живя в маленьких общинах, русский крестьянин оказался не приспособленным для перехода к более сложному общественному устройству ... куда ему было суждено быть ввергнутым политическими потрясениями XX века” [17, с. 112]. И это являлось одной из причин того, что такой крестьянин легко поддавался агитации социалистов в процессе осуществления ими планов развертывания крестьянского восстания с целью погружения страны во всеобщий хаос.

На формирование личности российского пореформенного крестьянина оказывала влияние не только община, но и весь уклад его жизни. Он так же определялся наряду с традициями, условиями реформы и практикой их реализации. После лишения помещиков власти в деревне создавалось сословное крестьянское самоуправление. В идеале самоуправление должно содействовать формированию общественно значимой личности крестьянина, приобретению им навыков участия в общественно-политической жизни, повышению его культурного уровня. Это все так, однако, на российской почве оно превратилась в свою противоположность. Касаясь этой части реформы, В.О. Ключевский с горечью заметил: “А что сделали крестьяне из дарованного им сословного управления, всем известно. Отвращение к труду, воспитанное крепостным правом в дворянстве и крестьянстве, надобно поставить в ряд важнейших факторов нашей новейшей истории” [2, с. 555]. “Всем известно” состояло в том, что крестьяне не воспользовались предоставленной им возможностью и безропотно примирились с превращением самоуправления в придаток органов власти на местах. Однако это был не только продукт пассивности самих крестьян, но и целенаправленной политики правительства. Самый тяжелый удар по

крестьянскому самоуправлению оно нанесло введением в 1889 г. “Положения о земских участковых начальниках”. Говоря о последствиях такого правительственного акта, С.Ю. Витте писал: “На крестьянина установился взгляд, что это с юридической точки зрения не персона, а полуперсона. Он перестал быть крепостным помещика, но сделался крепостным крестьянского управления, находящегося под попечительным оком земского начальника” [16, с. 497]. Фактически земские начальники являлись и судьями, и администраторами, и опекунами.

При отсутствии собственных независимых организаций и неразвитости общественно-политического сознания крестьяне неизбежно склонялись к стихийному протесту. В конце XIX в. он вызывался сокращением земельных наделов (со времени реформы 1861 г.) почти наполовину в связи с интенсивным ростом населения. Нехватка земли, по убеждению крестьян, являлась главной причиной их бедственного положения, выход из которого они видели в экспроприации всех частных (необщинных) землевладений. В этом убеждении они получили широкую поддержку в обществе, и прежде всего со стороны социалистов.

Последним же оставалось убедить крестьянство, что только они способны решить земельный вопрос в их пользу. Следовательно, сами условия реформы и их практическая реализация стали причиной того, что крестьяне становились взрывоопасным материалом в руках социалистов. Попытка П.А. Столыпина не допустить этого путем доведения реформы 1861 г. до логического завершения, сделав российского крестьянина частным собственником на землю, скорых ожидаемых результатов не дала. С одной стороны, помешала начавшаяся Первая мировая война. С другой – само крестьянство в большинстве своем видело улучшение своего положения не в выходе из общины, а в ликвидации помещичьего землевладения. В конечном счете и здесь в выигрыше оказались социалисты. Их расчеты на доведение крестьянства до революционной войны в интересах диктатуры пролетариата получали реальные очертания. Придя к власти

в 1917 г., большевики позволили крестьянам разорить помещиков, а их земли разделить. В благодарность за это через непродолжительное время получили сплошную коллективизацию и новых, красных помещиков. Так что история не только иногда повторяется, но и может ходить по кругу.

Таким образом, трагический исход решения крестьянского вопроса в СССР, имевший место в 30-е годы XX в., был в основе своей заложен крестьянской реформой 1861 г. и всем ходом ее реализации. Все другие возможные альтернативные решения этого вопроса не вписались в исторический процесс модернизации пореформенной России. К несчастью для нее, в этом процессе верх взял революционный экстремизм большевиков. Крестьянство, вытесненное реформой 1861 г. на обочину модернизационного процесса, стало невольным их пособником в установлении так называемой «диктатуры пролетариата».

Литература и источники.

1. Хрестоматия по истории СССР, 1861-1917: учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «История» / В.Ф. Антонов [и др.]; под ред. В.Г. Тюкавкина. – М.: Просвещение, 1990. – 416 с.
2. Ключевский, В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / В.О. Ключевский // сост., вступ. ст. и прим. В.А. Александрова. – М.: Правда, 1990. – 624 с.
3. Пайпс, Ричард. Струве. Биография: в 2-х т. — М.: Московская школа политических исследований, 2001. Т. 1: Струве: левый либерал, 1870 – 1905/ Р. Пайпс. – 2001. – 552 с.
4. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – 872 с.
5. Исторический опыт трех российских революций. – Кн. 1: Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция

- в России / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; редкол.: П.А. Голуб (гл. ред.) [и др.]. – М.: Политиздат, 1985. – 575 с.
6. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое / В.И. Ленин. – Т. 12: Пересмотр аграрной программы рабочей партии. – М.: Изд-во политической литературы, 1960. – С. 241-270.
 7. История СССР. С древнейших времен до наших дней: в 2 сериях, в 12т. – Т. 6: Россия в период империализма 1900-1917. – М.: Издательство «Наука», 1968. - 853 с.
 8. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое / В.И. Ленин. – Т. 16: Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов. – М.: Изд-во политической литературы, 1961. – С. 193-413.
 9. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое / В.И. Ленин. – Т. 17: Аграрный вопрос в России в конце XIX века. – М.: Изд-во политической литературы, 1961. – С. 57-173.
 10. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое / В.И. Ленин. – Т. 21: Избирательная платформа РСДРП. – М.: Изд-во политической литературы, 1961. – С. 176-183.
 11. История России. XX век: 1894-1939 / под ред. А.Б. Зубова. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 1023 с.
 12. Пушкарев, Б.С. Две России XX века. Обзор истории 1917 – 1993 / Б.С. Пушкарев, К.М. Александров, С.С. Балмасов [и др.]. – М.: «Посев», 2008. – 592 с.
 13. Геллер, М.Я. История Российской империи: в 3-х т. / М.Я. Геллер. – Т. 3. – М.: Издательство «МИК», 1997. – 304 с.
 14. Эйдельман, Н. «Революция сверху» в России / Н. Эйдельман. – М.: Политиздат, 1989. – 317 с.
 15. Литвак, Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива / Б.Г. Литвак. – М.: Политиздат, 1991. – 302 с.

16. Витте, С.Ю. Воспоминания: в 3-х т. / С.Ю. Витте. - Т. 2: (1894-октябрь 1905) Царствование Николая II. – М. Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 639 с.
17. Пайпс, Ричард. Русская революция в 2 ч. Часть первая / Ричард Пайпс. – М.: РОССПЭН, 1994. – 397 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ